

Генерального совета, что секция «Альянса» принята в Интернационал лондонским Генеральным советом еще летом 1869 г. Сторонники Маркса тогда заявили, что эти письма подложны и при этом сослались на прибывшую из Лондона «Елизавету Дмитриеву».

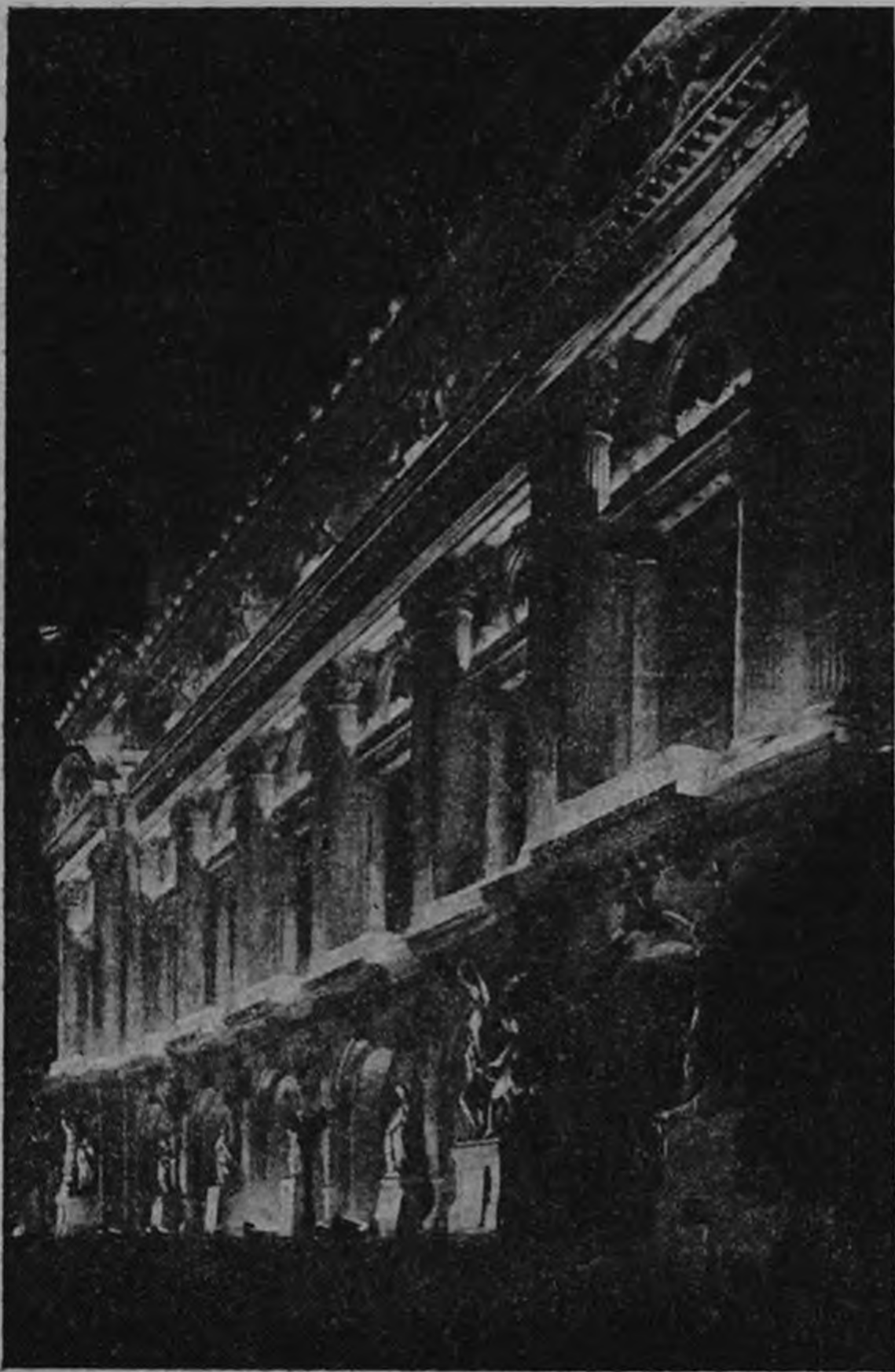
Действительно, «Елизавета Дмитриева» в феврале 1871 г. была в Лондоне у Маркса и ей им было поручено собрать справки об «Альянсе» и заявить о подложности писем Генерального совета о принятии «Альянса» в Интернационал. «Елизавета Дмитриева» играла также крупную роль в русской секции Интернационала, существовавшей с осени 1868 г. в Женеве и имевшей своим представителем в Генеральном совете Карла Маркса.

Маркс считал «Елизавету Дмитриеву» своим другом и в одном письме о ней признал, что она «оказала большие услуги партии».

Бакуинисты, страдавшие, между прочим, и пороком антисемитизма и склонные видеть во всех своих неудачах проделки евреев, считали «Елизавету Дмитриеву» еврейкой. На самом деле она была дочерью русского дворянина Кушелева и в 1871 г. была замужем за помещиком Томановским. Жила она в Швейцарии с 1867 года под чужим именем, как Елизавета Дмитриева Томашевская.

Сейчас же после исполнения поручения Маркса в Женеве «Елизавета Дмитриева» поехала по его же поручению в Париж, где назревали события 18 марта 1871 г. (т.-е. попытка отнятия пушек у национальной гвардии правительственными войсками) и все, что за ними последовало.

В Париже «Дмитриева» принялась прежде всего за организацию рабочих. Были основаны ею с помощью нескольких других женщин, клубы женщин. В каждом из 20 районов

Новый способ электрической иллюминации, впервые примененный в Париже у здания оперы

Парижа были образованы женские комитеты и во главе их «Центральный комитет союза женщин». К началу апреля 1871 г. было в Париже 160 таких женских комитетов. В них вошли уже существовавшие с осени 1870 г. под председательством Луизы Мишель женские «комитеты бдительности» различных округов Парижа, не имевшие никакой связи с Интернационалом. Пропагандистки ЦК союза женщин днем выступали на собраниях, а вечером в своих клубах. Они пропагандировали социальные идеи Интернационала, образовывали ячейки обществ рабочих и их синдикальных камер (объединенных союзов) и помогали основанию международной федерации рабочих Парижа, так как в Париже было много иностранных рабочих. Но организация женщин Парижа по про-

фессиям подвигалась медленно из-за необходимости вооруженной борьбы с версальцами. Приходилось образовывать и боевые отряды женщин для борьбы с наступавшими на коммуны войсками контр-революции и посылать на передовые позиции отряды санитарок из жен коммунаров, чтобы подбирать и перевязывать раненых.

Лишь 21 мая было созвано собрание рабочих всех корпораций (производственных союзов) Парижа для окончательного образования объединенного союза парижских рабочих. Но в этот же день, с помощью одного предателя, в Париж проникли версальские войска, и об организации рабочих уже не приходилось больше думать.

Отныне «Дмитриева» берет на себя роль солдата революции и во главе сформированного ею отряда выступает то на защиту ратуши, где заседала коммуна, то в Батиньоле (одном из районов Парижа), то рядом с Луизой Мишель на Монмартре, сражаясь на баррикадах до последнего дня «кровавой недели» мая и воодушевляя своим примером мужчин.

Один из национальных гвардейцев описал в своих записках, как «Дмитриева» выглядела в бою. Она была красивой, высокой стройной брюнеткой с вьющимися волосами и носила на макушке тирольскую фетровую шляпу, украшенную длинным петушиным пером и багровой кокардой. Многие считали ее почему-то русской княжной.

От расстрела версальцев «Дмитриевой» удалось бежать. Так как настоящая ее фамилия осталась неизвестной ни версальцам, ни русскому посольству в Париже, то она вернулась в Россию. В 1874—75 г.г. Дмитриева жила в Петербурге.

В 1877 г. она вышла вторично замуж за одного разорившегося дворянина, окончившего университет, некоего Давыдовского, который был замешан в уголовном деле «червонных валетов», получавших обманным путем безденежные векселя. Будучи убеждена в невинности Давыдовского, «Дмитриева» вышла за него замуж, как только его выпустили на поруки из предварительного заключения, и на суде защищала его. Она обращалась и к Марксу с просьбой помочь ей найти хорошего защитника для ее мужа. Когда ее мужа осудили на поселение в Сибирь (есть основания думать, что он действительно осужден был невинно), она последовала за ним.

В Сибири она жила с мужем и родившимися у нее двумя дочерьми в одном селе в 20 верстах от Красноярска. Здесь она сама ухаживала за коровой и лошадей и делала всю работу по дому. Дочерей она также учила сама. Муж ее пользовался большой популярностью среди крестьян. Но политические ссыльные относились к «Дмитриевой» с недоверием, так как не допускали, чтобы жена «уголовного» могла быть другом Маркса и участницей коммуны.

Впоследствии Давыдовский получил амнистию и вернулся с семьей в Москву. «Дмитриева» вскоре умерла. Об ее воспитании в детстве и об ее жизни после коммуны материалы еще собираются и будут опубликованы в «Летописях марксизма».

В Нью-Йорке на выставке советского искусства большой интерес вызывают работы художника С. А. Кадмана* и в особенности его картина „Уличный музыкант“
* Е. А. Кацман

ТОВАРИЩУ

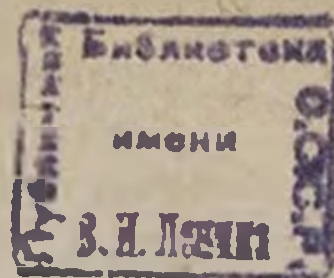
Оледенелая земля,
Оледенелые камни...
Не потому ль и ты и я
Глядим любовно на поляны?
Охотнее по вечерам
Читаем, греясь у печурки.
И мнятся вымыслам нам
Все наши дальние прогулки.
Зима — усидчивости друг,
Товарищ творческого пыла;
Свисти же, ленинградских
вьюг
Всепобеждающая сила!

Протопают табуны недель,
Как утомившиеся кони;
И говорливая капель
Ударится о подоконник.
Молниеносно ты и я
Забудем книги и бумагу,
И вновь в далекие края
Мы бросим юность и отвагу.
И чорт со мной п... чорт с
тобой,
Когда в каком-нибудь ауле
Нас укокошат за скалой
Неразговорчивые пули!

Евг. Панфилов

Художник
А. В. Петров
«Радио
устанавливают»

КРАСНАЯ ПЛАНЕТКА

№ 12

Цена № 10 коп.

С приложением одного № Литературы и художественного сборника «Кр. План.» — 40 коп.

22 марта 1929 г.

